

Сюзана

Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

Сюзана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73135433

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна случайная встреча. Один взгляд, изменивший всё. Она – девушка из другого мира, с мечтами, которые казались недостижимыми. Он – мужчина, чья жизнь была расписана по минутам, без места для чувств. Их пути не должны были пересечься, но судьба, кажется, имела на них свои планы. Теперь им предстоит пройти через испытания, которые проверят их на прочность: общественное мнение, семейные тайны и собственные страхи. Смогут ли они доказать, что настоящая любовь способна преодолеть любые преграды, или их история так и останется красивой, но несбыточной мечтой? Погрузитесь в мир, где каждое решение имеет последствия, а любовь – это не просто чувство, а выбор, который меняет всё.

Радик Яхин

Сюзана

Глава 1. Начало пути: случайная встреча в старинном городе

Сюзана не заметила, как свернула не туда. Она шла по мощенной брусчаткой улочке, уткнувшись в экран телефона, пытаясь найти на карте тот самый пансионат «У Озера». Очередной поворот, и вместо указателя на набережную перед ней открылась глухая стена старого дома, увитая диким виноградом, и тупик. Она раздражённо вздохнула, откинув со лба непослушную прядь каштановых волос. Вот именно так всё и было в её жизни последние годы: суматошное движение вперёд, жёсткий план, цифры KPI, встречи, переговоры – и вот он, закономерный тупик. Этой поездкой в забытый богом провинциальный городок Суходольск она пыталась этот тупик обмануть. Сорок два года, успешный собственный бизнес по организации корпоративов, квартира в центре Москвы, машина, которую она водила с остервенением гонщика. И абсолютная, оглушающая тишина в огромной, идеально отремонтированной спальне по ночам. Развод пять лет назад стал не трагедией, а скорее логичным завершением длительного проекта под названием «Брак». После него были попытки отношений, но они напоминали деловые

партнёрства: взаимовыгодные, с чёткими условиями и сроком годности. И вот теперь – отпуск. Неделя одиночества в глуши. Она почти гордилась этим решением, как будто оно было очередным достижением.

Развернувшись, она наткнулась взглядом на него. Он сидел на низком каменном парапете у стены, согнувшись над фотокамерой. Молодой человек, лет двадцати пяти, не больше. Ветреная прядь тёмно-русых волос падала на лоб, он нетерпеливо отбрасывал её назад движением головы. На нём была простая серая футболка и поношенные джинсы, а на шее болтался шнурок с объективом. Он целился объективом в стену, точнее, в трещину в кирпиче, из которой пробивался крошечный, почти невидимый жёлтый цветок. Его лицо было сосредоточено и спокойно. Сюзана замерла. Ей вдруг показалось, что она нарушила какое-то важное таинство. Она сделала шаг назад, и её каблук предательски скрипнул по камню.

Молодой человек поднял голову. Глаза у него были светлые, серо-зелёные, как вода в лесном озере. Он не удивился, не смутился. Он просто посмотрел. Взгляд был прямой, открытый, изучающий, но без наглости.

– Вы потерялись? – спросил он. Голос оказался низким, немного хрипловатым, неожиданным для такого юного лица.

– Да, – призналась Сюзана, и её собственная растерян-

ность прозвучала в этом слове куда откровеннее, чем она хотела. – Ищу «У Озера». Кажется, я заблудилась.

Он убрал камеру, легко спрыгнул с парапета. Он был высоким, почти на голову выше её, даже учитывая её каблуки.

– Это в другую сторону. По этой улочке только к реке выйти можно, а пансионат – он на выезде, в сосновом бору. Я как раз мимо иду, провожу.

– Не стоит беспокоиться, я по навигатору... – начала она деловым тоном, но он уже шагал рядом, и его лёгкая, пружинистая походка не оставляла выбора.

– Навигатор здесь сходит с ума, – улыбнулся он, и в уголках его глаз собрались лучики мелких морщинок. – Город старинный, улицы кривые. Меня, кстати, Аркадий зовут.

– Сюзана.

– Красивое имя. Редкое.

Они шли молча несколько минут. Сюзана чувствовала себя неловко. Она была не в своей тарелке: деловой костюм, сумка-портфель, строгий макияж – всё это выглядело чужеродным пятном среди покосившихся деревянных домиков с резными наличниками и буйных палисадников. Аркадий же, казалось, был частью этого пейзажа.

– Вы турист? – наконец спросила она, чтобы прервать молчание.

– В каком-то смысле. Я фотограф. Приехал за материалом. Старинные города, лица, детали... Всё, что несёт на себе отпечаток времени.

– Коммерческая съёмка?

Он посмотрел на неё с лёгкой усмешкой.

– Скорее, для души. Хотя иногда что-то продаю в журналы. А вы? Отдыхать?

– Да. Отдыхать, – сказала она так, будто это было сложное и незнакомое ей действие.

– Правильно. Здесь время течёт иначе. Можно остановиться и рассмотреть цветок в трещине.

Она вспомнила, как он снимал тот цветок. В его словах не было пафоса, только констатация факта.

Они вышли на небольшую площадь с покосившимся памятником неизвестному солдату и указателем. Аркадий показал рукой на широкую улицу, уходящую вверх, к лесу.

– Вон там, километра полтора. Дорога живописная. Уверены, что дойдёте?

– Конечно, – кивнула Сюзана, ощутив вдруг прилив странной обиды. Он говорит с ней, как с пожилой дамой, которой нужна помощь. – И спасибо.

– Не за что. Удачного отдыха, Сюзана, – он кивнул и, развернувшись, пошёл обратно, к своему тупику и своему цветку.

Она смотрела ему в спину, пока он не скрылся за поворотом. И только тогда заметила, что сжала ручку своей сумки так, что пальцы побелели. В груди что-то ёкнуло, что-то давно забытое, похожее на досаду и любопытство одновременно. Она тряхнула головой, поправила сумку на плече и твёр-

дым шагом, каким всегда шла на важные переговоры, двинулась по указанной дороге. Но мысли её почему-то возвращались к серо-зелёным глазам, смотревшим на мир с такой спокойной, неспешной внимательностью. «Цветок в трещине», – повторила она про себя. Глупость какая.

Пансионат оказался уютным деревянным домом с террасой, выходящей прямо в сосновый бор. Воздух пах смолой и тишиной. Номер был простым, но чистым. Сюзана сбросила пиджак, с трудом стянула туфли и опустилась на кровать. План была такой: завтрак, прогулка, чтение, возможно, плавание в том самом озере. Никаких звонков, кроме экстренных. Никакой почты. Она вытащила книгу – модный психологический триллер, – открыла и поняла, что не может прочесть ни строчки. Перед глазами стояла стена с виноградом, каменный парапет и молодой человек, целиком поглощённый миром в объективе. И это раздражало. Она приехала сюда, чтобы ни о чём не думать, а тут какой-то мальчишка с фотоаппаратом вклинился в её сознание с первой же минуты. «Фотограф. Для души», – усмехнулась она про себя. Романтик. Не от мира сего. Таких она давно перестала понимать. Её мир строился на конкретике, на цифрах, на результате. На следующий день, после завтрака, она надела удобные кроссовки и пошла гулять по лесу, твёрдо решив выбросить из головы вчерашнюю встречу. Лес был прекрасен: высокие сосны, стрекотание птиц, мягкая хвойная подстилка

под ногами. Она шла быстро, почти маршировала, вдыхая полной грудью, пытаясь ощутить тот самый покой, за которым приехала. И почти добилась своего, когда тропинка вывела её к небольшой поляне на берегу узкой, но быстрой речушки. И там, на большом валуне, сидел он. Аркадий. На этот раз он снимал воду, точнее, игру солнечных бликов на струях, огибающих камень. Он снова был в своей серой футболке, и снова та же сосредоточенность на лице. Сюзана хотела было тихо развернуться и уйти, но ветка хрустнула у неё под ногой. Он обернулся. И снова – никакого удивления, лишь лёгкая, тёплая улыбка.

– Здравствуйте снова. Решили исследовать окрестности?

– Да, – сказала Сюзана, чувствуя, как её щёки слегка розовеют. – Кажется, я снова вам помешала.

– Нисколько. Фотография терпелива. Она подождёт. Вы ведь не каждый день выбираетесь из города в такую глушь?

Он говорил это так, будто они были старыми знакомыми, продолжившими вчерашний разговор. Сюзана невольно подошла ближе, к краю воды.

– Нет, не каждый день. Вообще, это первый подобный опыт за много лет.

– И как ощущения?

– Странно, – призналась она неожиданно для себя самой. – Тишина немного давит.

Аркадий рассмеялся. Звук был искренним и приятным.

– Это потому что это не тишина, а другой звук. Городской

шум – это белый шум, он заглушает всё. А здесь звуки проступают по отдельности: вода, ветер, птица, шелест листьев. К ним нужно привыкнуть, как к новому языку.

Он говорил просто, но его слова задели в ней что-то глубокое. Она молча смотрела на воду.

– Вы надолго в Суходольск? – спросил он.

– На неделю.

– Я тоже. Может, завтра показать вам настоящий Суходольск? Не тот, что для туристов, а тот, что за фасадами? – предложил он вдруг. И снова без намёка, без подтекста, просто как экскурсовод.

Сюзана замешкалась. Встретаться с незнакомым мужчиной, да ещё таким молодым? Это противоречило всем её правилам безопасности и здравого смысла. Но с другой стороны... что тут может случиться? И почему бы нет? Это же часть отпуска, нового опыта.

– Хорошо, – сказала она, и её собственное согласие прозвучало для неё неожиданно. – Во сколько и где?

– В десять, на той площади, где мы вчера расстались. Не заблудитесь?

– Постараюсь, – она улыбнулась в ответ, и это была первая за долгое время настоящая, не дежурная улыбка.

Когда она возвращалась в пансионат, в голове у неё звучали его слова: «другой звук... как новый язык». И давящая тишина вдруг отступила, уступив место лёгкому, почти детскому предвкушению завтрашнего дня.

Глава 2. Фотограф и музычка души: первые шаги к взаимопониманию

Ровно в десять она стояла на площади у памятника. На ней были лёгкие брюки цвета хаки, просторная белая блуза и сандалии. Она даже нанесла минимум макияжа, что было для неё редкостью в обычной жизни. Аркадий появился точно вовремя, словно материализовавшись из утреннего солнечного света. Он был в таких же поношенных джинсах и футболке, но с другим объективом на камере, висящей через плечо.

– Точно не заблудились, – приветствовал он её. – Значит, город уже начинает вам подчиняться.

– Или я ему, – парировала Сюзана.

– Это лучший способ с ним подружиться. Пойдёмте.

Он повёл её не по центральным улочкам, а в лабиринт переулков, где дома стояли так близко, что из окна в окно, казалось, можно было пожать руку соседу. Он показывал ей двор-колодец, куда солнце заглядывало лишь на полчаса в день, старую водонапорную башню с гнёздами аистов, заброшенную кузницу, где ещё пахло металлом и углём. Он говорил не как гид, заученно, а как человек, который видит историю в каждой трещине, в каждом облупившемся ставне.

– Вот смотрите, – он остановился у деревянного дома с заколоченными окнами. – Здесь жил сапожник. Видите этот

кованный гвоздь у двери? На нём он вешал вывеску с сапогом. А здесь, – он тронул рукой прорезь в ставне, – он по вечерам выставлял керосиновую лампу, чтобы свет падал на его работу. Вся жизнь – в деталях.

Сюзана слушала, и мир вокруг наполнялся смыслами, которых она раньше не замечала. Она была бизнес-леди, она мыслила стратегиями, бюджетами, перспективами. А он мыслил историями, застывшими в моменте. Это было увлекательно и чуждо одновременно.

– А вы не боитесь, что всё это исчезнет? – спросила она, когда они вышли на пустырь, где когда-то была рыночная площадь. – Вот эти дома, эти истории?

Аркадий посмотрел на неё серьёзно.

– Исчезнет. Не всё, но многое. Поэтому я и снимаю. Не для того, чтобы сохранить в музее, а чтобы поймать дыхание времени. Показать, что оно не линейно. Вот этот камень, – он пнул ногой булыжник, торчащий из земли, – по нему ходили люди сто, двести лет назад. И мы сейчас по нему ходим. Время наслоилось здесь, как страницы в книге. Нужно только уметь читать.

Они вышли к реке, к тому месту, где встретились вчера. Аркадий присел на камень и стал настраивать камеру. Сюзана стояла рядом, чувствуя себя немного лишней.

– Знаете, Сюзана, – сказал он, не отрываясь от видеоискателя, – у вас очень выразительное лицо.

Она смутилась.

– Спасибо, думаю, это обычное лицо сорокалетней женщины.

Он опустил камеру и посмотрел на неё прямо.

– Ничего обычного в нём нет. В нём есть история. Глубина. Оно не гладкое, не отполированное жизнью в удовольствии. В нём есть мысли, сомнения, усталость и... недосказанность.

Он говорил так, будто читал открытую книгу. Сюзане стало не по себе. Она привыкла контролировать то, что показывает миру. А этот молодой человек видел то, что было под маской.

– Вы слишком смелы в своих оценках для незнакомого человека, – сухо заметила она.

– Мы незнакомы? – удивился он. – Мне кажется, мы уже немного знакомы. А фотография – это всегда про смелость. Про попытку увидеть истину, пусть даже маленькую её часть. Вы не позволите мне сфотографировать вас?

Вопрос повис в воздухе. Сюзана была застигнута врасплох.

– Зачем? – спросила она, защищаясь.

– Чтобы попытаться поймать ту самую недосказанность. Не гламурный портрет, а момент. Вас, здесь, сейчас. На фоне этой реки, этого старого города. Мне кажется, вы с ним родственны.

«Родственны старому городу», – повторила она мысленно. Это была либо красивая глупость, либо что-то очень точное.

Она взглянула на его серьёзное лицо, на открытый, ждущий взгляд. И снова это странное чувство – вызов, смешанный с любопытством.

– Хорошо, – сказала она тихо. – Только не делайте меня смешной.

– Вы не можете быть смешной, – просто ответил он и поднял камеру.

И началось что-то невероятное. Он не просил её улыбаться, не строил кадр. Он просто наблюдал. Говорил тихо: «Посмотрите на воду. Вспомните что-то далёкое. Не думайте о камере. Просто будьте». И она, сначала скованная, постепенно начала расслабляться. Она смотрела на воду, на отражение облаков, и мысли текли сами собой: о молодости, о несбывшихся мечтах, о том, как давно она не позволяла себе просто «быть». Она забыла о времени, о возрасте, о Москве. Она была просто женщиной на берегу реки.

Аркадий снимал молча, перемещаясь, меняя ракурсы. Потом опустил камеру.

– Готово. Спасибо.

– И что же вы увидели? – спросила она, снова возвращаясь к своей защитной иронии.

– Увидел многое. Но расскажу, когда покажу снимки. Завтра, в кафе на главной площади? В четыре?

Она кивнула. Теперь ей уже самой было интересно. Интересно, что же он разглядел в ней такого.

Вечером в номере пансионата она долго смотрела в зерка-

ло. «Выразительное лицо. Глубина. Недосказанность». Она щупала морщинки у глаз, у губ. Да, лицо уже не молодое. Но в его словах не было сожаления. Было... уважение? Интерес? Она не могла понять. И не понимала также, почему согласилась на эту фотосессию и на завтрашнюю встречу. Это было не в её стиле. Её стиль – дистанция, контроль. А тут какой-то мальчишка врывается в её личное пространство с камерой и какими-то странными разговорами о времени и глубине. Но отступить было уже поздно.

На следующий день в четыре она сидела за столиком в маленьком кафе «У Игнатия» с видом на площадь. Аркадий пришёл с ноутбуком. Они заказали кофе, и он, не заводя светских разговоров, открыл экран.

– Смотрите.

Она увидела себя. Но не такую, какой видела в зеркале. На снимках была женщина с немного отрешённым, задумчивым взглядом. В её позе читалась и сила, и уязвимость одновременно. Свет падал так, что подчёркивал не изъяны, а характер – резкую линию скулы, напряжённый изгиб бровей, мягкость губ, которая, казалось, вот-вот дрогнет. Фон – старая вода, камни, дерево – не подавлял её, а вступал в диалог. Она была частью этого пейзажа, его органичным, живым продолжением. Это было красиво. Не гламурно, а глубоко и... правдиво.

– Это я? – прошептала она.

– Это вы в момент, когда отпустили контроль, – сказал

Аркадий. – Вы очень красивая, Сюзана. Но ваша красота – не в совершенстве черт. Она в прожитой жизни, которая оставила на вас свои следы. И в том свете, который живёт внутри, несмотря ни на что.

Она подняла на него глаза. В его взгляде не было ни лести, ни преследования. Была искренняя заинтересованность художника, который нашёл достойный объект.

– Вы умеете делать комплименты, – сказала она, пытаясь шутить, но голос дрогнул.

– Это не комплимент. Это наблюдение. Вы мне очень интересны. И как лицо, и как человек.

С этих слов началось их странное, медленное сближение. Они стали встречаться каждый день. Гуляли, разговаривали. Аркадий рассказывал о своих путешествиях, о том, как начинал снимать, о мечте сделать большую фотовыставку, где каждая работа будет рассказывать историю не места, а человека в этом месте. Сюзана, к своему удивлению, начала рассказывать о себе. Сначала осторожно, общими фразами о бизнесе, о Москве. Потом всё больше и откровеннее. О том, как начинала с нуля, о предательствах партнёров, о головокружительных взлётах и горьких разочарованиях. О пустоте большого дома. О страхе оказаться никому не нужной. Она говорила, а он слушал. Не перебивая, не давая советов, просто слушал с тем же вниманием, с каким смотрел в видеокамеру. И в его молчаливой сосредоточенности она чувствовала понимание, которого так не хватало в её мире успеха и

конкуренции. Она ловила себя на мысли, что с этим двадцатипятилетним фотографом она говорит больше и честнее, чем с кем бы то ни было за последние десять лет. Он стал для неё чем-то вроде тихой гавани, где можно было наконец причалить, сбросить тяжёлые доспехи деловой женщины и просто быть уставшей Сюзаной. Она не думала о романе. Мысль об этом казалась абсурдной. Но дружба, эта странная, вневозрастная дружба, наполняла её дни в Суходольске неожиданным светом и теплом. Она начала смотреть на мир его глазами: замечать игру света на стене, причудливую форму облака, мудрое лицо старушки, сидящей на лавочке. Мир замедлялся, становился объёмнее, значительнее. Она даже купила себе простенький цифровой фотоаппарат и начала снимать сама. Её снимки были неуклюжими, но он хвалил её за «взгляд» и говорил, что самое главное – видеть, а технике можно научиться. За несколько дней до её отъезда они сидели на том самом валуне у реки. Солнце садилось, окрашивая воду в золото и багрянец.

– Я уезжаю послезавтра, – сказала Сюзана, и в голосе её прозвучала непрошенная грусть.

– Знаю, – кивнул Аркадий. – Время здесь кончается.

– А у вас? Куда дальше?

– Пока не знаю. Возможно, на север. Хочется снять белые ночи и старые деревянные церкви.

Он помолчал, глядя на воду.

– Сюзана, а можно я приеду к вам в Москву? Показать вам

город таким, как вижу его я?

Она замерла. Москва была её территорией, её крепостью. Впустить его туда значило стереть последнюю грань между этим волшебным отпуском и реальностью.

– Зачем? – снова спросила она, как тогда на берегу.

– Чтобы продолжить разговор. Чтобы снять вас там, в вашей среде. Это будет другая история. И мне... мне будет не хватать наших бесед.

Он сказал это просто, без пафоса. И она поверила. Поверила, что ему действительно интересно. И поняла, что ей тоже будет не хватать. Не хватать этого спокойного голоса, этого внимательного взгляда, этого чувства, что ты – не функция, а человек.

– Хорошо, – сказала она, и это «хорошо» прозвучало как точку невозврата. – Давай обменяемся контактами.

Она сказала «давай», впервые перейдя на «ты». Он улыбнулся, и в его глазах вспыхнул тот самый свет, который он когда-то разглядел в ней.

– Отлично. До встречи в Москве, Сюзана.

Они не касались друг друга, не было никаких романтических намёков. Но что-то между ними изменилось. Что-то невидимое, но прочное, как паутинка, протянулось от одного сердца к другому через вечернюю реку и заходящее солнце. Она возвращалась в пансионат с чувством, будто оставляет здесь, в Суходольске, часть своей старой, тяжёлой кожи. И берёт с собой что-то новое, хрупкое и очень важное.

Глава 3. Обретение доверия: секреты раскрываются медленно

Москва встретила её оглушительным рёвом. Возвращение в свою квартиру после тишины Суходольска было похоже на прыжок в ледяную воду. Стекло и бетон, бешено мигающие экраны, вечно спешащие люди с каменными лицами. Первые два дня Сюзана пыталась влиться в привычный ритм: разбор почты, встречи с менеджерами, звонки. Но её мысли постоянно улетали в провинциальный городок, к реке, к валуну, к спокойному голосу Аркадия. Она ловила себя на том, что смотрит на знакомые улицы его глазами, ища те самые «детали», истории. Видела замызганную стену с граффити, старинный особняк, затерявшийся среди новостроек, усталое лицо офисного работника в метро. Мир не изменился, изменилось её восприятие. И это было одновременно пугающе и волнующе.

Аркадий написал на третий день. Коротко: «В Москве. Когда можно показать вам город?». Они договорились на субботу. Сюзана весь день перед встречей нервничала, как девочка перед первым свиданием. Она перебирала гардероб, выбирая что-то между деловым и повседневным, в конце концов остановилась на тёмных джинсах, элегантном свитере и кожаной куртке. «Просто дружеская встреча», – повто-

ряла она себе, глядя в зеркало. Но сердце колотилось вопреки всем доводам разума.

Он ждал её у выхода из метро «Кропоткинская». В своём неизменном пуловере и джинсах, с рюкзаком за плечами, он выглядел как инопланетянин в этом потоке нарядных москвичей. Увидев её, он улыбнулся той же самой, тёплой и открытой улыбкой, и напряжение внутри Сюзаны немного спало.

– Ну, вот я и в твоих владениях, – сказал он.

– Добро пожаловать в джунгли, – откликнулась она, и они засмеялись.

Маршрут Аркадия был предсказуемо непредсказуем. Он не повёл её к Красной площади. Он повёл её в переулки Замоскворечья, показывал дворы-колодцы (оказывается, они есть и здесь), старинные палаты, спрятанные за фасадами сталинских домов, крошечную церковь, вмурованную в стену бизнес-центра. Он говорил о наслоениях эпох, о том, как город живёт своей жизнью, независимо от рекламных щитов и пробок. Сюзана, знавшая Москву как место работы и перемещения, открывала для себя новый город. Город-тайну.

– А теперь давай снимем тебя здесь, – сказал он, когда они вышли на набережную Москвы-реки напротив Кремля. Вечерние огни отражались в тёмной воде. – Контраст. Сильная, современная женщина на фоне древней, но всё такой же мощной крепости.

На этот раз Сюзана не сопротивлялась. Она стояла, облокотившись на парапет, глядя на освещённые стены и башни. Она думала о том, сколько сил она потратила, чтобы завоевать своё место в этом городе-крепости. Сколько битв выиграла и проиграла. Аркадий снимал молча. Потом опустил камеру.

– Голодный? Я знаю одно место неподалёку. Не пафосное.

Местом оказался крошечный грузинский духан в арке, где за простыми столами сидели самые разные люди – от студентов до седовласых профессоров. Пахло хмели-сунели, чесноком и свежим лавашом. Они заказали хачапури, салат и вино. И за разговором Сюзана поняла, что это и есть та самая «другая история». В Суходольске она была беглецом, отдохнувшим путником. Здесь она была хозяйкой, успешной, сильной. И ему было интересно увидеть и эту её грань.

– Расскажи о своём бизнесе, – попросил он. – Как это – организовывать праздники для тех, кто, возможно, не хочет праздновать?

Она рассказала. О хитросплетениях корпоративной культуры, о том, как важно угадать тонкую грань между пафосом и душевностью, о смешных и абсурдных ситуациях. Говорила с юмором, с иронией, которую выработала за годы. Аркадий слушал, задавая точные, неглупые вопросы. Он видел не только поверхность, но и суть – постоянный стресс, необходимость быть всегда «на позитиве», груз ответственности.

– А что было самым трудным? – спросил он, когда они

допивали вино.

Сама не зная почему, Сюзана начала рассказывать о самом больном. О том, как три года назад, в разгар подготовки к огромному корпоративу для нефтяной компании, у неё обнаружили опухоль. Доброкачественную, но требующую срочной операции. Она не сказала никому, кроме ближайшей подруги-бухгалтера. Провела все подготовительные встречи, всё организовала, а в день события, передав финальный контроль подруге, уехала в клинику на операцию. Через два дня, ещё не оправившись от наркоза, она уже вела финальный расчёт по проекту по телефону. Никто из клиентов так и не узнал, что праздник, который они назвали «блестящим», организовала женщина со свежим швом на теле и пустотой от страха внутри.

Она рассказывала об этом спокойно, почти бесстрастно. Но когда подняла глаза на Аркадия, увидела в его взгляде не жалость, а что-то другое. Глубокое уважение и боль. Чужая боль, которую он почувствовал как свою.

– Зачем ты это сделала? – тихо спросил он. – Почему не отменила, не перенесла?

– Потому что нельзя было. Потому что доверие клиента – это всё. Потому что я привыкла справляться в одиночку. И потому что... мне некому было передать эту ношу. Некому было сказать: «Всё будет хорошо, я возьму на себя».

Она сказала это и поняла, что впервые произносит эту правду вслух. Даже себе она не признавалась в этом чувстве

беспомощности так откровенно.

Аркадий молча протянул руку через стол и накрыл её ладонью. Его рука была тёплой, сильной, с тонкими пальцами фотографа. Это было простое человеческое движение, без пошлого утешения. Просто контакт. И Сюзане показалось, что какая-то ледяная глыба внутри начала таять. Она не отняла руку.

– Спасибо, что рассказала, – сказал он. – Теперь я понимаю твои глаза ещё лучше.

После того вечера они стали видеться регулярно. Он приходил к ней в офис, снимал её за работой – не позирующую, а настоящую: во время мозгового штурма, в момент напряжения перед важным звонком, в редкие минуты задумчивости у окна с видом на Москву-Сити. Она водила его в свои любимые, непарадные места города. Они говорили обо всём на свете: об искусстве, о политике, о смысле жизни, о детских мечтах. Аркадий раскрывался перед ней. Рассказал о непростых отношениях с отцом, бывшим военным, который не понимал «бесполезного» увлечения сына и хотел видеть его юристом или экономистом. Рассказал о первой любви, которая закончилась, когда девушка не захотела ждать его из длительной экспедиции на Камчатку. Рассказал о своём страхе – так и не найти своего места, своего зрителя, остаться талантливым неудачником.

– Иногда я просыпаюсь ночью от ужаса, – признался он как-то раз, когда они сидели у неё дома, пили чай на огром-

ном диване. – Мне кажется, что всё, что я делаю, – это пыль. Что время уходит, а я просто ловлю его тень на матрицу. И что в конечном итоге никому, кроме меня, это не нужно.

Сюзана слушала и видела в нём не самоуверенного мальчишку, а такого же уязвимого человека, как она сама. Только его страхи были о другом. И это делало их диалог возможным. Они были на равных. Не по возрасту или опыту, а по степени открытости и доверия.

Однажды вечером, после просмотра его новых работ с Русского Севера, разговор зашёл о будущем.

– Что дальше, Аркадий? Большая выставка?

– Мечтаю. Но для этого нужны не только работы, но и имя, и связи, и деньги на аренду зала, на печать... Всё упирается в деньги, как ни цинично.

Сюзана, импульсивно, как никогда раньше, сказала:

– А если я помогу? У меня есть связи в арт-среде, несколько галерейстов должны мне услуги. И финансирование... я могу стать инвестором твоего проекта.

Он посмотрел на неё с удивлением и настороженностью.

– Зачем?

– Потому что я верю в твой талант. Потому что твои работы должны увидеть. И потому что... я хочу быть частью чего-то настоящего. Не корпоративных вечеринок, а чего-то, что останется.

Он долго молчал, глядя в пол.

– Это очень щедро, Сюзана. Но я не могу принять это про-

сто так. Это будет не мой проект, а наш. Или твой. А я не хочу быть обязанным.

– Это не обязанность, – горячо возразила она. – Это партнёрство. Ты – творческая сила. Я – организационная и финансовая. Как в любом бизнесе. Ты же не отказываешь галерее, если она предлагает тебе контракт?

– Галерея – это галерея. А ты... ты друг.

В его голосе прозвучала неуверенность. Сюзана поняла, что перегнула палку. Её деловая хватка, её желание контролировать и помогать, столкнулись с его гордостью и независимостью.

– Извини, – сказала она мягче. – Я не хотела давить. Предложение остаётся на столе, без каких-либо условий. Подума́й.

– Хорошо, – кивнул он. – Спасибо.

Но атмосфера вечера была испорчена. Когда он ушёл, Сюзана чувствовала досаду на себя. Она снова надела маску «успешной бизнес-леди», которая всё может купить, в том числе и участие в чужой мечте. А он эту маску увидел и отступил. Она поняла, что их хрупкому миру доверия нужна осторожность. Что нельзя просто перенести правила своего мира в их общее пространство. Надо было учиться заново. Учиться просто быть рядом, не пытаясь всё исправить, купить, организовать.

Он написал на следующий день: «Прости за вчерашнюю глупость. Я ценю твоё предложение больше, чем могу выра-

зитель. Давай обсудим всё как партнёры. Завтра?».

Она выдохнула с облегчением. И в этот момент осознала, насколько он стал для неё важен. Не как проект, не как интересное увлечение, а как человек. Человек, чьё мнение, чьи чувства для неё теперь имели огромный вес. Это осознание было и сладким, и страшным. Потому что оно не вписывалось ни в один из её прежних сценариев. И вело в неизвестность.

Глава 4. Первый совместный проект: творчество объединяет сердца

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.